

Никитина Галина Аркадьевна

**ТРАДИЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ: ЖИВА ЛИ ОНА В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ?**

Проанализирована система взаимной помощи в современной удмуртской деревне: ее трансформация и формы бытования. По мнению автора, традиция соседской, родственной взаимопомощи в сельской местности не исчезнет до тех пор, пока будут функционировать автономные субъекты в виде личных подворий селян. Необходимость межсемейного обмена ресурсами и взаимоподдержка трудом будут определяться желанием подстраховаться от угрозы потери социального или материального статуса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/34.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. III. С. 135-138. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 39(470.51)-058

Исторические науки и археология

Проанализирована система взаимной помощи в современной удмуртской деревне: ее трансформация и формы бытования. По мнению автора, традиция соседской, родственной взаимопомощи в сельской местности не исчезнет до тех пор, пока будут функционировать автономные субъекты в виде личных подворий селян. Необходимость межсемейного обмена ресурсами и взаимоподдержка трудом будут определяться желанием подстраховаться от угрозы потери социального или материального статуса.

Ключевые слова и фразы: удмурты; современная деревня; социальные трансформации; эрозия отношений добрососедства; взаимопомощь как обязанность и право.

Никитина Галина Аркадьевна, д.и.н.

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
nikitina@udnii.ru

**ТРАДИЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ:
ЖИВА ЛИ ОНА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ?®**

Специфической особенностью «естественных общностей», к которым в первую очередь относятся крестьянские социумы, является личный характер социальных связей. Именно отсюда вытекает интегрирующее значение неформальных уз – взаимной привязанности, выручки, других связей, основанных на родстве, свойстве и соседстве. В данной статье автор ставит перед собой цель провести небольшой анализ системы отношений взаимной помощи в современной удмуртской деревне. Специальное обращение к теме представляется вполне оправданным, так как в условиях рыночно-ориентированных социальных трансформаций рубежа XX-XXI вв. изменились не только базовые основания жизни сельского социума, но и духовно-нравственная составляющая его функционирования. Определенной эрозии подверглись и традиции соседской взаимопомощи, глубина и характер которой пока не становились предметом специального научного интереса.

Как известно, выдающийся американский ученый Дж. Скотт считал, что комплекс технических и социальных приемов, выработанных докапиталистическими крестьянскими обществами, был продиктован страхом нехватки продовольствия, страхом голода. Технические приемы были направлены на производство как можно более стабильных урожаев, а социальные, к числу которых относится и взаимопомощь, – на взаимную подстраховку общинников. Суть своих взглядов ученый изложил в монографии «Моральная экономика крестьянства» (1976) [7, с. 203]. Один из краеугольных камней концепции «моральной экономики» заключается в том, что для экономики выживания и пропитания особой ценностью, «значительно превышающей все другие соображения, является все то, что позволяет подстраховаться семью от угрозы голода» [1, с. 140]. В традиционном обществе любой крестьянин отдавал себе отчет в том, что, скажем, «сегодняшняя неудача соседа это чаще всего игра слепого случая, или «Божья воля». Завтра то же может постигнуть и его самого», и поэтому он сегодня должен помочь соседу, а когда у него появятся проблемы, сосед придет на помощь к нему. Таким образом, «крестьянская взаимопомощь это не столько христианская благотворительность, сколько коллективная взаимостраховка» [8, с. 91].

Современный удмуртский сельский социум, впрочем, как и все российское общество, переживает глубокий кризис, связанный с распадом привычной картины мира, однако в его недрах продолжают функционировать моральные императивы и ценности, имеющие едва ли не транзитивный характер. Именно они спасают людей от массовой эксклюзии из сферы привычной жизнедеятельности и жизнеобеспечения. К таковым с полным правом можно отнести традицию родственной и соседской взаимопомощи.

Относительно устойчивое социальное равновесие сельского сообщества можно также объяснить наличием семейных подворий, в которых резко возросла самоэксплуатация. Сегодня значительная часть крестьян предпочитает вкладывать усилия именно в личное хозяйство, а не в «крупхозы» в виде СПК, ООО, ОАО и др. Исследования удмуртской деревни в 2004-2008 гг. показали, что чем ниже уровень социально-экономического развития СПК, тем большую роль в выживании семей имеет личное подсобное хозяйство (ЛПХ). Для такого хозяйства характерны не погоня за прибылью, а поддержание жизнедеятельности, использование при этом всех доступных ресурсов, которые помогают сохранить материальный и социальный статус семьи. Подобная стратегия взята на вооружение не только земледельцами, но и сельской интеллигенцией, в результате чего происходит ее «окрестьянивание», хотя оно – вынужденное, а значит – временное, не укорененное. Как только ситуация в сельском хозяйстве изменится в лучшую сторону, повысится качество жизни на селе, сельская интеллигенция откажется от этой практики адаптации.

Сходство интересов, замыкающихся на сельскохозяйственном производстве, открывает широкие возможности для партнерства среди всех «игроков» сельской экономики, независимо от форм их собственности. Общие проблемы и испытания, связанные с реформированием аграрной системы, осознание того, что вхождение в рынок наибольшим количеством потерь обернулось именно для сельских жителей, сплачивает

деревенское сообщество и в определенной степени дистанцирует его как социальную общность от «большого общества», например, города. Социальную интеграцию и относительную спаянность субъектов хозяйствования актуализирует и реально существующая рассогласованность интересов власти и крестьянства, агробизнеса и крестьянства [5, с. 65].

В то же время изменившиеся отношения собственности, трансформация экономического сознания и трудового поведения сельских жителей, ухудшение качества рабочей силы, проблемы рынка труда и многие другие реалии современности объективно сталкивают интересы основных субъектов хозяйствования, создавая «поля напряжения» в их отношениях. Наиболее ощутимо подобное явление в паре «крупхоз-фермер», которое, пройдя период явного или скрытого противостояния, в последние годы приняло относительно устойчивый партнерский характер, не исключая, впрочем, элементов соперничества и конкуренции (например, на рынке рабочей силы, реализации произведенной продукции и др.). Конфликты, как правило, бывают связаны с земельным вопросом.

Отношение сельского сообщества к фермерам тоже постепенно меняется. Еще 8-10 лет назад, судя по беседам с главами КФХ, отношение к ним со стороны селян было однозначно негативное. Их считали «новыми кулаками», «эксплуататорами», грозились устроить поджоги и т.п. [6, д. 1456, л. 5, 41]. Конечно, чувство зависти к «преуспевающим богачам» по-прежнему существует, но в большинстве случаев фигура фермера ассоциируется с работодателем, регулярно выплачивающим заработную плату, поддерживающим социальную инфраструктуру села, оказывающим спонсорскую помощь местным школам, малообеспеченным семьям, пенсионерам и др.

Нельзя не заметить также наличие слабого, но реального конфликта интересов в парах «бюджетник-колхозник» и «руководитель-рядовой работник». И, тем не менее, все приведенные примеры не девальвируют в глазах селян значимость и ценность традиционной взаимопомощи, хотя противоречивых, неоднозначных высказываний об этом институте тоже можно услышать немало, к чему мы вернемся чуть ниже.

В современных исследованиях традиция взаимопомощи, обмен услугами считаются сегментом неформальной экономики, причем, по мнению С. Барсуковой, «чем враждебнее государство, тем масштабнее межсемейная кооперация как объединение усилий в целях выживания. И, наоборот, взятие государством на себя ряда важных социальных функций ведет к ослаблению неформальной кооперации, к низведению ее на уровень культурно-духовной и психологической поддержки» [2, с. 20]. Ярким примером межсемейной взаимопомощи является едва ли не ежегодная помощь родственников-горожан в выполнении самых трудоемких сезонных сельских работ – подготовка почвы, посадка или уборка овощей, закладка урожая на зиму и др. Отдаются селяне частью урожая, хотя те же горожане взамен часто привозят лекарства, одежду, обувь.

Нехватка рабочих мест, предопределяющая труд на личном подворье как обязательное условие существования, сегодня сильнее всего бьет по молодым, экономически неокрепшим семьям. В силу этого родители часто вынуждены «тянуть на себе» хозяйства детей. Более того, родители-пенсионеры стали источником не только продовольственных, но и денежных поступлений. Денежные ссуды от родителей чаще всего возвращаются в виде услуг – работой на родительском огороде, заготовкой дров, кормов для скота: «До сих пор родители нам помогают, в основном – деньгами, а мы – только своим трудом. Моя мама нам даже страшно несет, считает, что мне некогда этим заниматься» [6, д. 1331, л. 26].

К соседям обычно обращаются при осуществлении каждодневной хозяйственной-бытовой деятельности. К таковым можно отнести случаи одалживания продуктов питания (хлеба, песка и др.); обмена рассадой, семенами; присмотра за огородом, домом, скотиной в недолгое отсутствие хозяев. К помощи соседей прибегают при некоторых видах работ (посадка картофеля, ремонт хозяйственных построек и др.), при необходимости обращаются за небольшими денежными ссудами – «до пенсии», «до полочки». По словам одной из собеседниц, «если односельчане обращаются за техникой для вспашки огорода, мы не отказываем. Сын пашет бесплатно. Как деньги со своих братьев, они же нам тоже помогают. Мы и картофель садим сообща. Звать никого не надо, сами приходят. Привезем сено, поднимать на сеновал тоже помогают» [Там же, д. 1533, л. 31]. К близким друзьям и родственникам обращаются при крупных покупках, строительстве дома или подсобных помещений, сезонных работах в поле, продаже мяса или молодняка.

По словам одной из собеседниц, «в деревне без взаимопомощи не прожить, это видно на глаз. Особенно при заготовке сена. Косит колхоз, за эту услугу берется плата. Все остальное люди делают сами – переворачивают, сгребают, складывают. В деревне, я считаю, это самая трудная работа, и здесь без помощи не обойтись никак. Помогает друг другу и в строительстве дома, ведь одному поднять дом очень тяжело. Приходят родственники, соседи, друзья, кто кому ближе. За это их кормят, накрывают стол. В следующий раз те, кому помогли, тоже идут на помощь. Не за деньги, а за вложенный труд. В деревне еще не все за деньги делается, деньги еще не все решают. И потом в деревне зарплата не такая высокая, денег расплатиться может и не быть, а трудом отдариться за помощь всегда можно. Скажем, мне кто-то помогал 4 дня, я ему тоже помогу столько же дней. Так же гораздо легче» [Там же, д. 1331, л. 26].

Осознается важность этических норм в регуляции поведения индивидов, в поддержании гармонии отношений между ними и, в конечном счете, в социальной интеграции крестьянского сообщества. Эта этика освещает характерные нормы крестьянского общежития – взаимопомощь, избегание насилия, открытость, живучесть традиционных норм терпимости. Как выразилась одна из сельских женщин, «стараюсь делать людям добро, они отвечают тем же. На дворе у нас давно капитализм, но люди остались людьми: человек человеку друг... Только как бы пьянство проклятое искоренить... Признаюсь, бывают очень трудные дни. Но всегда находятся люди, которые поддержат. Кто-то буханку хлеба принесет, кто-то что-то из одежды

для детей. А когда у меня коровушка отелится, я тем же людям несу молоко, сметану, творог» [3]. Именно подобное мироощущение, по-прежнему крепкие связи родства, свойства и соседства для сельчан являются ресурсом не только материальной, хозяйственно-бытовой, но и социально-психологической стабильности.

Большой степенью эмоционально-психологического сопереживания и материального соучастия отличается похоронный обряд. Редкий человек, особенно женщина, придет проститься с умершим односельчанином с пустыми руками. Каждая считает своим долгом нести с собой прощальное угощение на стол, желая снять с плеч членов семьи усопшего хотя бы малую толику хлопот. Пожалуй, таким же смыслом наполнена и практика одаривания роженицы продуктами питания. Выпечка и прочие блюда есть своего рода выражение женской солидарности, оказание роженице помощи, чтобы хотя бы в первые дни после родов она не подвергала свое здоровье угрозе, выполняя обязанности по приготовлению еды. Одним из наиболее традиционных видов родительской помощи продолжает оставаться и приданое невесты, состав которого отличается достаточным разнообразием, а у состоятельных родителей – и высокой стоимостью. В качестве приданого-подарка преподносятся не только традиционные постельные принадлежности, молодняк скота, как это было в прошлом, но и современная бытовая техника, посуда, ковры и т.п. Не уступают приданому и подарки со стороны семьи жениха.

Конечно, в современных сельских реалиях далеко не все внушает оптимизм. Происходит определенная эрозия традиционных этических норм, снижается уровень общедеревенской солидарности, ослабевает сила общественного контроля, и процессы эти продолжают углубляться. Натурально-потребительская ориентация в хозяйственной деятельности семьи постепенно формирует психологический тип селянина с выраженным эгоцентризмом, склонного полагаться на самого себя и домочадцев. Каждое отдельно взятое дворохозяйство борется за свое жизнеобеспечение своими силами: «Люди отдаляются друг от друга, помогают друг другу в основном родственники», или – «...Раньше во время строительства приходила вся деревня, если даже специально не звали. А сейчас стараются только родственников приглашать, если не зовут, никто сам не идет» [6, д. 1331, л. 6, 8]. Подобная ситуация отчуждает дворы друг от друга, замыкает их в узких рамках семейных коллективов, ослабляя традиционную деревенскую открытость и солидарность, сужая сферу функционирования соседской взаимопомощи. Ощущается переоценка и в отношении к неимущим, немощным старикам. Если раньше удмуртская деревня однозначно отрицательно относилась к детям, не желающим призреть своих престарелых родителей, то сегодня чувствуется некоторая индифферентность общественного мнения к этой проблеме. Она стала «частной», и решать ее, по-видимому, каждый вправе по своему усмотрению или обратиться за помощью в соответствующие органы власти.

К самым уродливым последствиям социальных трансформаций последних лет можно отнести появление слоя людей, не приученных и не желающих работать, опустившихся морально, выбравших неэффективную стратегию жизнеобеспечения. Они практически выпали из принятого (распространенного) хозяйственного уклада, из семьи, родственного обмена, а также – соседской сетевой взаимопомощи. Источниками существования для таких индивидов становятся полукриминальные и криминальные практики (кража цветных металлов, горючего и пр.), платная подработка в хозяйствах пенсионеров (огород вскопать, дрова расколоть и др.), в летний период – сбор ягод и грибов, ловля рыбы и сбыт их односельчанам. Многие из них паразитируют на престарелых родителях: «...У нас человек 20 неженатых – от 18 до 40 лет, некоторых мужиков матери кормят» [Там же, д. 1499, л. 10], «в четырех семьях в нашей сельской администрации взрослые пьют, нигде не работают. Даже огороды свои наполовину обрабатывают. Иногда, правда, идут к пенсионерам – колют им дрова или что-то другое делают. Некоторые находят подработку у частных предпринимателей на разгрузке» [Там же, д. 1331, л. 6]. Этот слой маргиналов едва ли может рассчитывать на проявление заботы и помощи со стороны сельского сообщества, дальнейшее ухудшение ситуации может обернуться для них реальным нищенством.

В деревне появились семьи, балансирующие на грани бедности. В их числе, как правило, оказываются одинокие пенсионеры, семьи с пьющими мужьями (неполноценный хозяин), многодетные или неполные семьи, которые больше всего нуждаются в поддержке и помощи. В качестве примера можно привести отрывок из письма Ф. Н. Березина, члена Союза журналистов УР, жителя Як-Бодьинского района: «В последние годы в здании школы (*речь идет о Больше-Ошворцынской школе – Н. Г.*) действует приют для шестнадцати детей-сирот. Первоначально в нем должны были обустроить ребят, чьи родители лишены родительских прав, но, по словам директора, вынуждены содержать детей из малообеспеченных семей. Их в районе немало, в том числе в Ош-Ворцах. А с лишенцами проще: нынче на них находятся опекуны, и поведал историю о мальчике, который был устроен к ним в приют из деревни. Раньше, в перерывах между занятиями в школе, он бегал в огород, чтобы наесться морковки. Сегодня мальчик сыт, одет, обут»¹.

К сожалению, не все и не всегда получают необходимую помощь. Немало жалоб, обид высказывают пенсионеры: на отсутствие должной заботы, внимания, нехватку денег и др. В их психологическом состоянии характерно ощущение несправедливости происходящего и явного пренебрежения к ним как людям, «отжившим свое». Впрочем, чаще всего их обиды и упреки адресованы не односельчанам, а власти как таковой.

Негативные тенденции приобретают все более зримые очертания, но преувеличивать их, по-видимому, пока не стоит. По крайней мере, в удмуртской деревне сегодня еще не встретишь ни «профессионалов» – нищих, ни бомжей. Люди как-то (не без помощи односельчан и глав производственных кооперативов) организуют себе и стол, и кров, и работу. В целом, сельский социум, в отличие от городского, в любом случае

¹ Березин Ф. Н. Письмо (получено по электронной почте 15.05.2009 г.).

выглядит более предпочтительным, так как в силу своих возможностей старается решить проблему неимущих, престарелых, слабых и незащищенных, не отворачиваясь от них, не отвергая в ряды социальных люмпенов. Хозяйствование на земле, объединяющее духовную и материальную сферу, человеческий мир и природу, как ничто другое формирует нравственно-этические, моральные императивы и позволяет членам сельского сообщества (не исключая сильных, зажиточных, а также молодых) надеяться, что в трудную минуту им будет оказана помощь. Как свидетельствуют полевые материалы, в реальной жизни сельчане воспринимают и, следовательно, и проявляют несколько больше коллективизма, нежели индивидуализма. Ориентации в аспекте отношения к коллективу сохраняют направленность на традиционные нравственные ценности, в том числе на традиции взаимопомощи, хотя их предпочтение становится сдержаннее. Помимо этого, стремление к отстраненности от коллектива и коллективизма идет в основном по линии попыток освобождения их от идеологических покрывал, тогда как востребованность, как и прежде, обусловлена их защитной силой.

Резюмируя рассмотренный выше материал, можно сказать, что у нас пока нет оснований говорить о том, что традиция соседской взаимопомощи в современной деревне забыта, равно как и о том, что она в ближайшей перспективе уйдет из жизни сельского сообщества. Пока будет жива деревня, будет функционировать автономное семейное хозяйствование на земле и существовать многоукладность, пока сельский социум будут пронизывать связи родства, соседства и свойства, деревенский «мир», основанный на «коротких», персонифицированных социальных связях (в отличие от преимущественно «анонимного» городского сообщества), сохранится и традиция взаимной помощи. Сельское сообщество, как никакое другое, понимает, что обычай соседской, родственной взаимопомощи – это не только механизм экономического выживания в вечном противостоянии с природой и неблагоприятными жизненными обстоятельствами, но и духовная, нравственная ценность, на которой держится деревенское общежитие. И в сохранении этой ценности заинтересованы не только бедные и слабые (старика, вдовы, многодетные или неполные семьи и др.), но и успешные фермеры, зажиточные семьи. Наличие деревенской идентичности, деревенского патриотизма четко выражается в осознании крестьянами важности своих отношений с односельчанами. Каждая семья в той или ситуации «может стать донором или реципиентом услуги, при этом подразумевается, что получатель в свое время окажет ответную помощь, но ее вид и сроки — платы» заранее не оговариваются. Таким образом, в деревне не существует семей только доноров или только получателей помощи» [8, с. 84-85]. Каждый селянин может прибегнуть к традиции сельской взаимопомощи как средству защиты хозяйственного и материального статуса от социальных и природных рисков, будучи готовым в случае необходимости оказать такую же ответную помощь.

Список литературы

1. **Бабашкин В. В.** Концепция «моральной экономики» крестьянства и российская деревня начала XX века // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. М.: Дело, 2011. Вып. 6. С. 135-156.
2. **Барсукова С. Ю.** Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования (Социс). 2004. № 9. С. 20-30.
3. **Березина З.** Для уныния времени нет // Удмуртская правда. 2007. 4 апреля.
4. **Лылова О. В.** Неформальная взаимопомощь в сельском сообществе // Социс. 2002. № 2. С. 83-86.
5. **Морозова Т. В.** Современный социально-экономический потенциал и перспективы развития сельских сообществ приграничного северного российского региона // Перемены в сельской России. 1991-2003: оценки, подходы, методы. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ, 2005. С. 56-68.
6. **Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.** РФ. Оп. 2-Н.
7. **Скотт Дж.** Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия / сост. Т. Шанин. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. С. 202-210.
8. **Современные концепции аграрного развития: теоретический семинар** // Отечественная история. 1993. № 6. С. 79-110.

TRADITION OF PEASANT MUTUAL AID: IS IT ALIVE IN THE MODERN RUSSIAN VILLAGE?

Nikitina Galina Arkad'evna, Doctor in History

Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

nikitina@udnii.ru

The system of mutual aid in the modern Udmurt village – its transformation and the forms of existence – is analyzed in the article. The author believes that the tradition of neighbourly and kindred mutual aid in the countryside will not disappear till autonomous subjects in the form of personal subsidiary plots of villagers function. The necessity of the interfamilial exchange of resources and mutual aid by labour will be determined by the desire to insure against the threat of losing social or economic status.

Key words and phrases: the Udmurts; modern village; social transformations; erosion of neighbourly relationships; mutual aid as obligation and right.